

РМ-1572650

Сейте разумное, доброе, вечное...

ISSN 2304-2443

Невский алманах

Основан
в 1825 году

№ 6 (110)
2019 г.

Усу

и России

Валерию Попову – 80 лет

Возраст счастью не помеха!

Читайте страницы 3-14

www.nev-almanah.spb.ru

В 2019 году исполнилось 85 лет
со дня рождения поэта Валентина ГОРШКОВА

НИКОЛАЙ РУБЦОВ И ВАЛЕНТИН ГОРШКОВ В ПОЭТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ГОРОДА НА НЕВЕ

Леонид ВЕРЕСОВ,
г. Череповец

В двадцать первом веке устоялось выражение: Н.М. Рубцов – русский национальный поэт. Вскоре после трагической гибели о нём писали как о самобытном, талантливом русском поэте. В самом начале творческого пути матрос Рубцов был поэтом Северного флота. Этот материал будет посвящён рабочему поэту Николаю Рубцову, ленинградскому периоду его жизни и творчества. В начале 60-х годов XX века он работал на Кировском (бывшем Путиловском заводе), писал стихи, там же подружился со слесарем (одновременно журналистом) Валентином Горшковым, который был в то время гораздо более известен в литературных кругах Ленинграда, чем будущий великий Рубцов.

Литература и искусство эпохи не могут оцениваться только по её выдающимся представителям, их произведениям, которые становятся вершиной художественных вкусов и достижений. Большую роль играет и творчество второстепенных авторов, чьи произведения в чём-то хороши, но не дотягивают до признанных безоговорочно образцов. Но может быть именно они, в подробностях, и отражают смысл и полноту литературного и художественного процесса времени, дают нюансы и детали, которых лишены глобальные, основополагающие произведения классиков.

Приказом № 370 от 23 октября 1959 г. Рубцов Николай Михайлович, старший матрос, дальномерщик эсминца «Острый» Северного флота увольняется в запас. Убыл матрос в распоряжение Всеволожского райвоенкомата. К брату Альберту выписал Николай проездные документы, полу-

Валентин Горшков. 1960 г.

чив на дорогу трое суток. Некоторое время он и проживал в доме брата в городе Невская Дубровка. Но начнём, пожалуй, с того, что старший матрос, чтобы не стеснять семью брата Алика, устраивается работать на Кировский завод Ленинграда. Попасть в основные цеха предприятия было просто, а вот профессия кочегара в жилотделе завода на какое-то время устроила Николая, как уже знакомая по траловому флоту Архангельска. Согласно справке из архива завода от 12.01.89 г., Н.М. Рубцов проработал кочегаром с 30.11.59 по 25.05.60 – около полугода. Потом в том же жилищном отделе завода работал с 25.05.60 по

1.02.61 слесарем-водопроводчиком – около 8 месяцев. С 01.02.61 по 26.04.61 работал слесарем-сантехником – около 3 месяцев. Затем уволился по ст. 46 КЗоТ, из жилотдела завода и перешёл в копровый цех шихтовщиком с 10.05.61. Двадцать дней, видимо, устраивался на основное производство завода. Уволен, по собственному желанию, 05.09.62, проработав больше года в копровом цехе.

Работа на Кировском заводе давала устойчивый заработок, социальные льготы, место в общежитии и пропуску в Ленинграде. В письмах своему флотскому другу Сафонову Николай Рубцов с удовлетворением это констатирует. «Уже больше

трех месяцев живу в Ленинграде. Прописали все-таки, этот случай относится к числу исключительных, ибо здесь свято и железно чтут указание горисполкома не прописывать в городе граждан из-за города, тем более из других областей. Появился в городе Диосфен, даже Диосфен, — его все равно не прописали бы здесь ни в одной бочке: бочек хватает и в других городах. Живу в общежитии, очень благоустроенном. Есть газ, есть паровое отопление, есть красный уголок с телевизором, с книгами и журналами и с симпатичными девушками, есть вестибюль с большим зеркалом напротив входа с улицы, с большим количеством столов и даже с цветами на них». (Письмо датировано мартом 1960 года. «Диосфен» — это, наверное, философ Диоген. — Л.В).

Приведем адрес общежития, в котором жил Николай Рубцов — улица Севастопольская дом 5, комната 22. «Валя, ты просил написать, на что я живу. Я благодарен тебе за твоё внимание даже к деталям моего теперешнего житья. И отвечаю на вопрос: сперва было не очень-то весело, теперь же можно жить, т.к. работать устроился на советский завод, где, сам знаешь, меньше семисот рублей никто не получает. С полочки особенно хорошо: хожу в театры и в кино, жру пирожное и мороженое и шляюсь по городу, отнюдь не качаясь от голода.

Вообще живется как-то одиноко, без волнений, без особых радостей, без особого горя. Старее понемножку, так и не решив, для чего же живу. Хочется кому-то чего-то доказать, а что доказывать и кому доказывать — не знаю. А вот мне сама жизнь давненько уже доказала необходимость иметь большую цель, к которой надо стремиться» (из письма от 2 июля 1960 года).

Вот этой большой целью для Николая Рубцова и стала поэзия, в виду которой вся его бытовая сторона жизни ушла на второй план. Как говорится, без особых социальных потрясений, но и не хлебом единым жили в то время рабочие люди. Николай Рубцов надёжно зарекомендовал себя как поэт на Северном флоте, конечно, стремится влиться в творческую среду тогдашнего Ленинграда. Почти не будем касаться отношений Рубцова и Г.Я. Горбовского, Рубцова и Б.И. Тайгина, это должны быть особые исследования.

Вот как Э.М. Шнейдерман вспоминает о Рубцове, того времени. «Стихи стали для него в эти годы главной заботой в жизни. Никаких общих разговоров, никакого трёпа о женщинах, быте, зарплате, — всегда о стихах и только о стихах, так что в итоге нашего знакомства я лишь в общих чертах узнал о его прошлом, о семье». Впрочем, к книге Э.М. Шнейдермана придётся ещё обратиться.

Надо сказать, что время для поэзии в огромном городе было очень благоприятное. Николай Рубцов попал в Ленинграде начала 60-х годов XX века в бурную литературную среду. Литературные объединения в период поголовного увлечения поэзией росли как грибы после дождя, менялись их руководители и участники. Так, например, «Нарвскую

В редакции многотиражки «Кировец»
Слева направо В. Тресвятский, Н. Рубцов, З. Барымова, В. Горшков

заставу» при ДК им. Горького возглавляли Николай Кутов, Николай Новосёлов, Наталья Грудинина, Игорь Михайлов. В 1960 г., как свидетельствует газета «Смена», Лито при ДК С.М. Кирова возглавлял тот же Н. Кутов (18 сентября 1960 г.), Лито при ДК Ижорского завода А. Чепуров (12 ноября), Лито «Градостроитель» руководил В.В. Устинов (2 июля 1961 г.).

Вот заметка из газеты «Смена» «Поэты с Выборгской» от 6 июня 1961 г. «Каждую пятницу в гостеприимной библиотеке Выборгского дворца культуры собирается литературное объединение «Выборгская сторона». При той же газете «Смена» существовало своё литературное объединение, которое возглавляли Игорь Ринк, затем Герман Гоппе. Публиковались подборки стихов, рецензии на книги. Нельзя не привести, как пример, хотя бы выдержки из статьи Ю. Голубенского «Воробьиный полёт мечты» («Смена» 2 июня 1961 г.). «Вечер Лито при Дворце культуры им. Первой пятилетки. Руководитель Г.С. Семёнов. Лито не рядовое, а повышенного типа. В него по конкурсу принимали не начинающих, а людей уже зарекомендовавших себя в творческом отношении. Мы ждали стихов, в которых наше время представало бы крупным планом, стихов о большом, значительном в нашей жизни... А в произведениях молодых поэтов поражало копание в пустяках, мизерные темы, воробьиный полёт мечты. Не эта ли робость перед большими темами, перед широкими обобщениями мешает творческому росту несомненно одарённых поэтов».

Речь в заметке идёт о стихах Г. Глозмана, О. Тарутина, Н. Слепаковой, В. Сосноры и др. Газета «Вечерний Ленинград» 5 мая 1960 г. выступила со статьёй «Стихи поэтов — рабочих Кировского завода». В ней впервые упоминается поэт, вернее кочегар Рубцов и поэт, т.е. слесарь Горшков. «Литературное объединение Кировского завода по праву можно считать старейшим в нашем городе. В нынешнем году оно

отметит своё тридцатилетие... Сейчас в литературном объединении при редакции газеты «Кировец» занимается более двадцати человек. Имена молодых поэтов — кировцев-слесарей В. Горшкова и В. Кузнецова, мастера В. Калинина, кочегара Н. Рубцова, конструктора С. Костюченко, Ю. Жаренова, Ю. Фёдорова и других известны уже не только заводским читателям. На седьмой межобластной конференции молодых писателей была рекомендована к изданию рукопись первой книги В. Горшкова. Из лучших произведений рабочих-кировцев составлен сборник стихов, который намечено издать к 30-летию заводского литобъединения. Сегодня мы помещаем несколько стихотворений из этого сборника.

Речь идёт о сборнике «Первые плавки», а в газете опубликовано стихотворение «Сталь идёт» Валентина Горшкова, слесаря механосборочного цеха, а также его фотография, и «В кочегарке» Николая Рубцова, кочегара.

И ещё один маленький эпизод. Газета «Кировец» Кировского завода 31 января 1961 г. опубликовала стихи юных поэтов кружка Дворца пионеров им. Жданова. А руководил кружком Валентин Горшков. Чтобы закончить эту тему, назовём Лито ленинградского университета, которое возглавлял Глеб Семёнов, он же руководил затем и Лито Горного института.

Завершим перечисление творческих объединений Ленинграда по газетам тех лет, свидетельствующее о размахе литературной жизни упоминанием о литобъединении «Балтийский парус» Балтийского судостроительного завода им. Серго Орджоникидзе. Кстати, членом его при газете «Балтиец» тоже был одно время Валентин Горшков. Не претендуя на полноту приведённых данных, отметим, что даже в этих кратких выдержках из газет имя Валентина Горшкова явно не затерялось, а то ли ещё будет.

Попробуем разобраться с биографией нашего героя, в том числе и с биографией творческой.

В. Горшков (стоит) читает свои стихи

Родился Валентин Сергеевич Горшков 4 июня 1934 г. на Дальнем Востоке, где его родители-ленинградцы находились в служебной командировке. Детство и отрочество их сына прошли в блокадном Ленинграде и в эвакуации в Ярославской области, где он пожил и в интернате. По возвращении Валентин окончил 397-ю школу Кировского района. Вот как о своём муже вспоминала Тамара Алексеевна Горшкова. Она рассказывала про клуб «Дерзание» при доме пионеров им. Жданова, который посещал Валентин и где начал писать стихи. Первые их публикации состоялись в 1949 г. в газете «Ленинские искры» и альманахе «Дружба» в 1950 г. в Москве с поэтами далеко старше и значительнее его. Но его молодой голос не выпал из их стройного ряда. Затем было поступление на филологический факультет Ленинградского университета (отделение журналистики).

По воспоминаниям А.И. Нутрихина, «это был плечистый паренек среднего роста. Озорная косая челка придавала ему лихой, независимый вид. По факультету ходили слухи о бесшабашных поступках Горшкова. То он плывал на льдине по Большой Неве, то прогуливался по строящемуся тоннелю метро от станции «Кировский завод» до «Автово», откуда его извлекла милиция. А я знал, что Валя пишет стихи и дружит со своим однокурсником Ильей Фоянковым. Часто их можно было встретить вместе, оба занимались в университетском литературном объединении, которое вел недавний фронтовик поэт Леонид Иванович Хаустов. Участниками ЛИТО были Владислав Шошин, Феликс Нафтульев, Юрий Голубенский, Юрий Рябинин».

В 1957 г. Горшков защитил диплом и был направлен в Симферополь, в газету «Крымский комсомолец». Валентин влюбился в сокурсницу Наталью Шульц, студентку болгарской группы филфака, и женился на ней.

Молодые жили в Крыму, у них родился сын Алеша. Однако этот брак вскоре распался. В стихах Горшкова тех лет нашли отражение и пылкая любовь, и конец непродолжительного романа. Писал поэт о живописной природе Крыма и о живущих здесь людях. Эти мотивы пронизывают его стихи «Воспоминание в Гурзуфе», «Ласточкино гнездо», «Ялта в январе» и другие. Однако Валентина влекло в Ленинград. Отработав положенный срок, он вернулся на берега Невы. Здесь Горшков принимает удивившее его друзей и знакомых решение. Он, дипломированный журналист, работает на Кировском заводе слесарем в механосборочном цехе. А позднее – сотрудником многотиражной газеты «Кировец».

Для исключения неточностей по поводу дат приведём данные из учётной карточки В.С. Горшкова из архива Кировского завода, которые дадут верные ориентиры в его биографии. Родился Валентин Горшков в Хабаровском крае, Биробиджанский район, д. Николаевка. Образование указано в заполненной 21.09.1960 г. карточке как н/высшее (незаконченное высшее?), указано, что женат, военнообязанный, офицер. Адрес Литейный, 28, кв. 1. С 24.01.1959 г. настройщик 5 разряда в Мех-28 (механосборочный цех), с 16.11.1959 г. по переводу слесарь-ремонтник 5 разряда, с 01.04.1960 г., почему-то по переводу слесарь-ремонтник 3 разряда в этом же цехе. Но уже через полгода 31.10.1960 г. переведён в редакцию газеты «Кировец». А ещё раньше 29.04.1960 г. ему объявлена благодарность в связи с днём Советской печати. Получается, что Валентин больше проявлял себя как корреспондент, внештатный член редакции «Кировца», чем рабочий на производстве. Принесим свою благодарность заведующей архивом ПАО «Кировский завод» А.А. Кузьминой за предоставление копий документов В.С. Горшкова и Н.М. Рубцова, которые помогли в написании данной работы.

А между тем творческие дела молодого работника газеты явно шли в гору. Валентин занимается сбором материалов и пишет в газету «Кировец» статьи, репортажи, очерки, заметки о работниках завода, их судьбах, производственных успехах, набивая руку журналиста. Но был и другой Горшков – поэт, весьма известный в литературных кругах Ленинграда. Он активный участник литературного кружка при газете и даже законодатель поэтической моды сам бывший производственник с журналистским (филологическим) образованием. Так, как он, о рабочем классе ещё надо было сказать. «Было всё – и соринки в глазах, и по локоть в мазуте ручищи, но по совести должен сказать – сам я делался лучше и чище!». Валентин Горшков входил в ряд литературных объединений Ленинграда, активно участвовал в их творческой жизни, выступал с чтением своих стихов.

Очень неожиданный факт приводит в своих воспоминаниях Ю.Я. Петрунин [1]. Юрий Петрунин описывает события весны 1960 года – весенний турнир молодых поэтов Ленинграда. По его утверждению, в нём принимал участие и Николай Рубцов, но основная борьба и симпатии зрителей были на стороне Иосифа Бродского и Виктора Сосноры. Но... «первое место тогда присудили не Бродскому и не Сосноре, а Валентину Горшкову, выпускнику журфака Ленинградского университета, сотруднику многотиражки Кировского завода». Были ли для этого какие-либо основания, таким ли уж заметным явлением были стихи поэта Горшкова? Пробежимся по страницам газет и журналов того времени в поисках Валентина Горшкова. Стихи молодого поэта печатали журналы «Нева» и «Огонёк», ряд альманахов и сборников «Голоса над Невой», «Первая плавка», «Продолжение песни», «И снова зовёт вдохновение». В 1964 г. вышла его первая книга в кассете с другими ленинградскими поэтами «Окраина».

Это известные творческие достижения поэта, но были и другие факты его творческой биографии. Вот, скажем, как был представлен Валентин Горшков в газете «Кировец» Кировского завода. 1959 год – 29 апреля – «Май», 29 декабря – рубрика «Из заводской тетради» стихотворение «Ювелирная работа», «Сварщику – верхолазу». 1960 год – 4 марта – портрет В.С. Горшкова, подборка стихов и заметка о нём руководителя Лито Н. Новосёлова, 3 мая – заметка «Собрание рабкорского актива» в подборке стихотворение «Горение», 27 мая – «На прессовом участке», 2 декабря – «Рабочая окраина», 30 декабря – «Часы идут». 1961 год – 31 января – упоминание о Валентине Горшкове, как руководителе кружка юных поэтов при доме пионеров им. Жданова. 10 февраля – «Вступающим в жизнь», стихи публикуются 17 февраля и 7 марта – «О красоте». 5 мая 1961 г. литературная страница многотиражки называется «У заводских литераторов», и в ней Н. Новосёлов, руководитель Лито, пишет о Рубцове «От стихотворения к стихотворению крепнет поэтический голос, возрастает литературное

мастерство слесаря Н. Рубцова». Здесь же совместная публикация Горшкова «С ночной смены» и Рубцова «Желание». Удалось обнаружить за 1962 год только одну подборку стихов Валентина Горшкова в номере за 25 декабря. 1963 год – 5 февраля – «Полчаса до гудка», 12 февраля новый руководитель Лито при газете «Кировец» М. Сазонов пишет заметку «Выступления заводских поэтов». В ней приводятся факты литературной активности поэта Горшкова. В читальном зале библиотеки Д/К им. Газа читали свои стихи В. Горшков, С. Дорофеев, С. Костюченко, В. Тресвятский, В. Шатихин. Читатели детской библиотеки Д/К тепло принимали в другой раз В. Горшкова, Э. Писаревского, Ю. Фёдорова. 19 июля 1963 г. выходит статья В. Горшкова к 70 летию со дня рождения В.В. Маяковского.

А вот как говорит о поэте Маяковском в стихотворении «Брату Толе», в написанном в 1965 г., но опубликованном много позже, поэт Горшков.

*И всё так же, по-прежнему броский,
Смотрит дерзко, себе на уме,
Со стены молодой Маяковский.
Отсидевший в Бутырской тюрьме.*

А чуть раньше случилось, как потом оказалось, знаковое событие в литературной судьбе Валентина Горшкова. 5 июля 1963 г. за его подписью и подписью В. Макарова вышла статья «Здравствуй родная застава». «Мать первого космонавта, Анна Тимофеевна Гагарина, у нас на заводе. Она дочь путиловского рабочего Матвеева Тимофея Матвеевича. Она привезла на Кировский (бывший Путиловский) завод фотографии своего отца». Следующая заметка В. Горшкова и В. Карпущенко «На родине космонавта номер один» появилась в газете «Кировец» 30 декабря 1963 г. с авторскими снимками Ю.А. Гагарина и его мамы. Делегация Кировского завода ездила тогда поздравить мать первого космонавта с 60-летием. В доме культуры Гжатска состоялось скромное, но торжественное её чествование. Юрий Гагарин, уже с погонами полковника, приехал поздравить маму, а Горшков прочитал со сцены стихи о матери, за которые Гагарин его поблагодарил, сказав, что у их матерей сходные судьбы.

Юрий Гагарин написал несколько слов по просьбе Валентина Горшкова трудящимся Кировского завода: «Дорогие ленинградцы! Мне радостно поздравить вас с наступлением нового 1964 года. Наша жизнь стремительно идёт вперёд. Вы одерживаете одну трудовую победу за другой. Я и мои друзья космонавты упорно готовимся к новым космическим рейсам. Счастья и успехов вам, дорогие ленинградцы. Ю. Гагарин. 22.12.63».

Увлечение космической темой и судьбой семьи Гагариных вылилось в Валентина Горшкова через поиск материалов, долгие раздумья в книгу «Мы – дети Земли» вышедшую тиражом 100 тысяч экземпляров 1986 г. с уникальными фотографиями, сведениями о семье первого космонавта, его полёте в космос. Книга стала достойным вкладом поэта в литературу о покорении космоса.

Н. Рубцов (справа) читает стихи

Однако вернёмся в 60-е годы XX века, ибо не только в газете «Кировец» отметил Валентин Горшков. Газета «Смена» – печатный орган областного и городского комсомола Ленинграда 19 июля 1960 г. публикует подборку стихов, и напутствие «В добрый путь, Валентин Горшков». Совершенно особой страницей в творчестве поэта нужно выделить его публикации в коллективных сборниках «День поэзии 1960 года» и «День поэзии 1962 года». Попасть в этот сборник мечтали все поэты Советского Союза. Он как бы подводил итог прошедшего поэтического года лучшими поэтическими образцами. В сборнике 1960 года, вышедшем в Москве в издательстве «Советский писатель», Валентина Горшкова ждала не только публикация стихотворения «Окружён простотой без прикрас...», но и напутствие авторитетнейшего тогда поэта – фронтовика Михаила Дудина, будущего лауреата Ленинской премии, которому в 2019 г. в Санкт-Петербурге открыт памятник.

Вот что писал в напутствии «Новых успехов» поэт Михаил Дудин. «Валентин Горшков работает слесарем на знаменитом Кировском заводе. Он уже давно занимается в Литературном объединении. Его стихи часто появляются в многотиражной газете «Кировец». Сейчас он подготовил к печати первую книгу стихов. Он её так и назвал – «Нарвская застава». Стихи его – это живая жизнь родного завода, жизнь, которую Горшков знает отлично. Очень хорошо, что редакция «Дня поэзии», наряду с мастерами поэзии, знакомит своих читателей с неизвестным пока автором, которому мне хочется пожелать новых успехов и в работе на заводе и в поэзии. Они у него наверняка будут».

В сборнике «День поэзии 1962» Валентин Горшков уже печатает два своих стихотворения совместно с Глебом Горбовским, Михаилом Дудиным, Анной Ахматовой, Ольгой Берггольц. Его голос свеж и задорен.

*Я иду. Осенняя прохлада
Дышит мне в открытое лицо,
У ворот автобусное стадо
Дремлет, обретя своё кольцо.*

Но темы те же – производственные. Этакий бодрый голос рабочего поэта. Нами уже упоминалась публикация в газете «Вечерний Ленинград» от 5 мая 1960 г., в которой говорится, что на 7 межобластной конференции молодых писателей была рекомендована к изданию рукопись первой книги В. Горшкова. В конце концов, в 1964 г.,

первая книга стихов поэта «Окраина» вышла в свет. В неё вошло 25 стихотворений, а по воспоминаниям Т.А. Горшковой Валентин представил сборник из 200 стихотворений. В ней он заявил о себе как певце тогдашних ленинградских предместий:

*Сон рабочей заставы
Насторожен и тих.
Ходит рядом со славою
Самый первый мой стих?*

*Самый первый и самый
Для меня дорогой, –
Он рожден корпусами
Стороны заводской...*

Книга вышла в кассете из четырёх книжек молодых авторов и наверное лишь отчасти удовлетворила творческие амбиции автора. У нас в руках авторский экземпляр издания с исправлениями и датами под стихами, поставленными автором. Более серьёзного издания ждал автор в 1964 году. Видимо, в этом же году Валентину предложили работу, от которой в те годы невозможно было отказаться – должность редактора ленинградского радио. Это было по его профессии, образованию, к тому же престижное место, дающее положение и уважение с достатком. Вот почему в 1964 г. уже нет публикаций поэта Горшкова в «Кировце» и поэтический запал сменился у него на требующую полной самоотдачи профессию редактора радио. Это было и ответственно, и интересно – доносить до слушателей города на Неве информацию. В.С. Горшков работал на радио и как ведущий. Он готовил и вёл программы: «Рабочая жизнь», «Исповедь шестидесятых», «Исторический клуб», которые всегда вызывали большой общественный интерес. Некоторое время «сидел» и на литературно-художественной редакции ленинградского радио.

Вот как Анатолий Нутрихин описывает то время: «Горшков вел на городском радио еженедельный журнал «Рабочая жизнь». Программа рассказывала о тружениках питерских предприятий. Валина редакция в то время располагалась во флигеле Дома радио, на первом этаже, далеко от высокого начальства. Помещение чем-то напоминало штаб действующей воинской части. То и дело приходили штатные и нештатные журналисты: Юрий Горинов, Анатолий Зайцев, Борис Баранов и другие молодые энергичные ребята, приносили статьи и заметки о заводской жизни. Информация шла потоком: Валентин давал

новые задания своей корреспондентской команде, правил статьи и информации, делая это тщательно, с присущим ему литературным блеском. Он и сам записывал репортажи, вел прямой эфир, приглашая в студию самых разных людей: рабочих, инженеров, ученых, писателей. В редакции радиожурнала "Рабочая жизнь", этой своеобразной мужской республике, умели здорово работать, весело отдыхать.

Позже Валентин успешно вел программу "Исповедь шестидесятых", не боялся делать передачи на острые нравственные и общественно-политические темы, чему способствовала тогда так называемая хрущевская оттепель».

Стихи тоже писались и изредка публиковались в газетах и журналах. Как пример поэтический сборник 1966 года «Живут на Неве поэты» вышедший в Москве. Вместе с Горшковым в нём публикуются поэты Горбовский, Кушнер, Малышев, Соснора, Куклин, Сорокин, Шестинский. В 1989 г. на фирме «Мелодия» вышел конверт из двух пластинок «Давно стихами говорит Нева». Автором этой музыкальной композиции стал Валентин Горшков.

Но как некий противовес хочется привести и несколько эксцентричные воспоминания Константина Кузьминского [2]. «Вторая и последняя встреча с Горшковым состоялась у моей бывшей четвертой супруги, куда я был призван затем, чтобы встретиться с работающим на радио Валеи. То ли он меня не признал, за хипповостью костюма, сам-то он был – в "союзском", у портного пошитом, и при "галстухе", чем меня и взбеленил, и представился – "Валентин Солёный". Ах, ты, думаю, Солёный, зараза – и начал цитировать и поносить стихи – Горшкова, которых я помнил немало...».

Вот ещё одни воспоминания о ЛИТО «Нарвская застава» и Валентине Горшкове Владимира Вейхмана: «Валентин Горшков в "Нарвской заставе" считался самым перспективным, самым многообещающим поэтом. Он умел находить неожиданные, "не затрепанные" образы. Его поэтический талант расцветал прямо на глазах. Он превосходно знал всю русскую поэзию, ему часто хотелось поделиться с товарищами эмоциональным восприятием других авторов. Валентин тяготел к крупным стихотворным формам; в этом он находил опору в творчестве Дмитрия Кедрова и Николая Деметьева, талантливейшего и несправедливо забытого поэта. Все, кто знал Горшкова той поры, отмечали прямо у него оценок, независимость суждений и задор:

*Братиска не катал меня на санках,
Сестренка нос не утирала мне.
В моей лихой мальчишеской осанке
Видна самостоятельность вполне.
Война моих родных поразбросала,
Лицо мое ветрами обожгла,
Швыряя по теплушкам и вокзалам,
В далекую деревню занесла...*

Мне запомнилось, как Валька Горшков, в клетчатой ковбойке, вихрастый и бесшабашный, выходил на сцену студенческого клуба и под восторженный гул собравшихся читал только что написанные лирические стихи:

*Вот и дом твой
В четыре больших этажа,
Погруженный в ночное молчанье.
Ты хотела уйти,
Просто руку пожав,
Просто тихо сказав:
"До свиданья"...
Трудно жить
Без большой и красивой любви,
Трудно ждать,
Если в парках и рощах
На рассвете
Хрустальной росой
Соловьи
Соловьиные горла полощут...*

Александр Прокофьев, возглавлявший в те годы ленинградскую писательскую организацию, в предисловии к коллективному сборнику "Голоса над Невой" неоднократно подчеркивает, что в нем представлены стихи рабочих-поэтов, людей, работающих на производстве, "чья жизнь посвящена поэзии лишь частично". Это обстоятельство, по его словам, придает сборнику свой особый, хороший колорит. Вообще-то Александр Андреевич несколько покривил душой: многие из авторов стихотворений, включенных в сборник, лишь с большой натяжкой могут быть названы "рабочими-поэтами": там и студенты, и сотрудники редакций многотиражных газет, и инженеры, и библиограф, и учительница...

С Валентином Горшковым тяготение к роли «рабочего-поэта» сыграло наиболее злую шутку. Природный интеллигент, превосходно образованный и эрудированный, он под влиянием сложившихся в то время предпочтений надевал на себя маску, которая так мало шла ему:

*...Белая сталь живая
Рванулась в пролет окна, –
Искры высоко вздымая,
Хлынула в желоб, играя,
Огненная
волна!*

*Сразу жарой крутою
Обдало четыре лица,
Радостью молодою
Заполнило сердца!..*

Подобные стихи, представляющие собой, по сути дела, рифмованный газетный репортаж, без препятствий проходили в редакциях Сциллу и Харибду внутренней цензуры... Горшков помогал Новоселову в составлении сборника "Первая плавка", в который вошла и дюжина стихотворений самого Валентина» [3].

Такими были парадная и непарадная стороны поэзии Валентина Горшкова. У него рождались стихи о любви и стихи с ерничаньем, попытками найти иной смысл жизни помимо рабочего энтузиазма. Эти стихи можно прочитать в его рукописях и редких последующих поэтических сборниках. Видимо всё же до конца его поэтический, многообещающий талант не был реализован.

В 1996 г. вышел в свет сборник стихов Горшкова «Белой ночью». В нем отразился весь Валентин, поэт и человек: умный, добрый, любящий родину. В книге щедро представлены: лирика, публицистика и юмор

в стихах поэта. Выход этого сборника стал для поэта, его родных и друзей событием? радостным и долгожданным.

Примерно за год до смерти Валентин Горшков получил серьёзную травму и умер 4 мая 1997 года. Погребён в Санкт-Петербурге на Красненьком кладбище.

Что ещё сказать о его жизни? В 1989 г. Валентин Горшков награждён Серебряной медалью ВДНХ, за успехи, достигнутые в развитии народного хозяйства СССР 4 марта 1990 г. избран народным депутатом Дзержинского районного Совета народных депутатов Ленинграда. В 2016 г. издан ещё один, посмертный сборник его стихов «Золотой листок».

Поэтическая жизнь Валентина Горшкова продолжается, а наш материал возвращается к золотым годам его молодости, знакомству с поэтом Николаем Рубцовым.

Валентин всю жизнь считал подарками судьбы две встречи с Ю.А. Гагариным и Н.М. Рубцовым. Он даже написал об этом стихи.

*Во мне живут два человека,
Напоминая близнецов.
Тот и другой любимцы века –
Гагарин это и Рубцов.*

*Я говорю о них привычно,
С каким-то внутренним теплом,
Поскольку и встречался лично,
И за одним сидел столом.*

Но вначале расскажем о поэте Николае Рубцове в Ленинграде, теперь уже только о творческой стороне его невской биографии. Как водится, начнём с воспоминаний...

Эдуард Шнейдерман таким образом вспоминает об уже упоминавшемся Ю. Петруниным турнире поэтов и приходе Николая Рубцова в Лито «Нарвская застава» – «24 февраля 1960 года в Малом зале ДК им. А.М. Горького состоялся городской турнир поэтов, происшествие необычайное. Зал был переполнен. Читало человек тридцать, каждый – по два стихотворения. Жалею, что сразу не записал фамилии всех участников. Запомнились В. Соснора, А. Кушнер, Г. Горбовский, Р. Вдовина, О. Тарутин, Н. Кучинский, И. Бродский, А. Морев. Первых трех жюри признало победителями и наградило томиком стихов.

Рубцов, как вскоре выяснилось, в тот вечер тоже был в зале. А знакомство наше произошло в следующую среду, 2 марта, около семи часов вечера, когда мы оказались сидящими на монументальном сооружении сталинских времен – потертом дерматиновом диванище в фойе того же ДК в ожидании начала занятия функционировавшего там ЛИТО "Нарвская застава".

Разговорились. Прежде всего, конечно, о турнире. Оказалось, что обоим запомнились, понравились одни и те же поэты, что оба как раз ищем подходящее ЛИТО, и "Нарвская застава", где устраивают такие турниры, обоим приглянулась. В те годы, не в пример этим, поэзия нужна была всем, и устраивалось множество публичных чтений. Начиная с весны 61-го стали постоянно выступать и мы – на вечерах различных ЛИТО,

в домах культуры, институтских общежитиях, библиотеках, НИИ, поэтических кафе (на Полтавской и в "Буратино").

Рабочие с Кировского завода тоже вспоминают выступления Николая Рубцова.

Александр Баракин: «Я до сих пор помню, как Николай читал свои стихи на вечере поэзии во Дворце культуры имени Горького: красиво, звучно, как мне тогда подумалось — лучше, чем иной артист. Все те чувства, которые у него были, передавались залу. Люди слушали, затаив дыхание. А нам было радостно: ведь это наш товарищ, наш поэт, кировец».

Василий Карпущенко «23 стихотворения, аккуратно перепечатанные секретарем-машинисткой заводского комитета профсоюза Кировского завода, старостой литературного объединения Еленой Мефодьевной Дементьевой, хранятся среди моих бумаг вместе с фотографией их автора Николая Михайловича Рубцова. Эти стихи обсуждались тогда майским вечером 1960 года рабочими поэтами Кировского завода...»

До занятий он приходил в редакцию заводской многотиражки "Кировец", садился где-нибудь в стороне, наблюдая за суетливой работой газетчиков, или что-нибудь писал в тетради. Никто не читал еще тогда его стихов, не видел их рукописи. Лишь в апрельском номере "Кировца" за 1960 год появилось впервые стихотворение Н. Рубцова "В кочегарке" [4].

Воспоминания Глеба Горбовского широко известны, как и воспоминания Бориса Тайгина, поэтому приведём их малые отрывки.

Г. Горбовский: «Стихов тогда читалась масса, поэты шли косяком. Одно только литобъединение Горного института выплеснуло до десятка интересных поэтов. И голос Рубцова, еще не нашедшего своей, корневой, драматической темы Родины, России, темы жизни и смерти, любви и отчаянья, тогдашний голос Рубцова тонул в окружающих его голосах. И это — закономерно. В Ленинграде Рубцов был в какой-то мере чужаком, пришельцем. Однажды привел с собой брата с гармошкой. И мы все пошли в один из ленинградских садиков, сели на лавку и стали играть на гармошке и петь песни. Городские люди на нас с интересом смотрели. А Коля не мог иначе. Ему так хотелось щегольнуть гармозой, северной частушкой или моряцким гимном — "Раскинулось море широко". Он, таким образом, заявлял в городе о себе, сохраняя в себе свое, тамашнее, народное...»

Однажды он пришел ко мне на Пушкинскую и сказал, что посвятил мне одно стихотворение. Что ж, было даже приятно. Значит, Коля и во мне что-то нашел. Ну, читай, говорю, ежели посвятил. И Коля прочел: "Трущобный двор, фигура на углу..." Стихотворение тогда называлось "Поэт" и содержало гораздо больше строк, нежели в нынешней, посмертной редакции. И заканчивалось оно как будто бы по-другому. Однако не это главное. Главное, что стихи взволновали, даже потрясли своей неожиданной мощью, рельефностью образов, драматизмом правды... И Коля для меня перестал быть просто Колей. В моем мире возник поэт Николай Рубцов. Это был праздник».

Члены ЛИТО «Кировец» при Кировском заводе Ленинграда за обсуждением сборника «Первая плавка» 1961 год. Справа Валентин Горшков

Б. Тайгин: «Когда же на сцену вышел Николай Рубцов, одетый, как с первого взгляда могло показаться, специально нарочито-небрежно: в заношенном пиджаке и в мятых рабочих брюках, в огромном шарфе, обмотанном вокруг шеи поверх пиджака, то это невольно обратило на себя внимание! Аудитория как бы весело насторожилась, ожидая чего-то необычного, хотя многие, бывшие на том вечере, ещё не знали ни Рубцова, ни его стихов... Николай Рубцов подошёл к самому краю сцены, посмотрел в зал, неожиданно и как бы виновато улыбнулся, и начал читать... Читал он по памяти, громко и разборчиво, слегка раскачиваясь и помахивая правой рукой в такт чтению; читал напевно и однообразно, словно сельский дьячок в церкви; читал один стих за другим, почти не делая паузы между ними... Всё время лез в глаза этот шарф, небрежно обмотанный вокруг шеи, со свободно свисающими длинными концами, почти достающими до пола. Однако, содержание стихов было настолько неожиданным и необычным, что сыграло роль "волшебной палочки": аудитория мгновенно угомонилась и стала внимательно слушать стихи! Это были совсем недавно написанные стихи-зарисовки различных эпизодов из моряцкой жизни на рыболовном траулере... Стихи освещали труд и быт моряков — под каким-то совершенно своим, особым углом зрения! И все они были насыщены пропитаны необычным юмором: одновременно и весёлым, и мрачным, но непременно вызывающие в зале искренний смех и весёлое оживление! Стихи читались автором — без тени улыбки, монотонно и серьёзно, чем ещё больше увеличивался комизм смысла! У наиболее эмоционально настроенных слушателей — смех пробивался, даже не ожидая, когда автор дочитает очередной стих до конца... Каждый прочитанный стих сопровождался искренними шумными аплодисментами, смехом, выкриками с мест: "Вот даёт!", "Читай ещё, парень!" и

тому подобными... Ему долго не давали уйти со сцены, хотя регламент выступления давно кончился...».

В более подробных воспоминаниях Игоря Михайлова, руководителя ЛИТО «Нарвская застава» Николая Рубцова и критикуют и им восторгаются. «Как и некоторые другие молодые поэты, работавшие на Кировском заводе, Николай Рубцов совмещал занятия в "Нарвской заставе" с занятиями в заводском кружке. "Нарвская застава" привлекала почти профессиональным отношением к делу, занятиями по теории и истории поэзии, кружок на заводе — возможностью публиковаться в газете "Кировец". В 1961 г. редакция этой газеты выпустила сборник стихов "Первая плавка", в который вошли пять стихотворений Рубцова. К подборке приложена очень удачная юношеская фотография поэта. В 1963 г. в Лениздате вышел сборник "Продолжение песни" (стихи поэтов Кировского завода), но в нем только одно стихотворение Рубцова — "В кочегарке". Два его стихотворения ("В океане" и "Разлад") опубликованы в другом ленинградском сборнике "И снова зовет вдохновенье" (1962).

...Странно сейчас перебирать пожелтевшие листки со стихами Коли Рубцова — те экземпляры, которые давались на обсуждение в "Лито". Вот шесть стихотворений, украшенных решительным минусом его оппонента: "На родине", "Фиалки", "Соловьи", "Видения в долине", "Левитан" и "Старый конь". Может быть, иногда чрезмерно суровы и требовательны к молодому поэту были его друзья, но отчетливо видишь, что в своих оценках они редко ошибались.

Нельзя не согласиться, что "Фиалки" мелки по теме, что "Видения в долине" длинноваты, вторичны, грешат красотами ("сапфирный свет на звездных берегах", "безмолвных звезд сапфирное движение"). "Старого коня" и "Левитана" критиковали за, возможно, неуместную в стихах такого рода игру слов: "Хоть волки есть на волоке,

и волок тот полог, едва он сани к Вологде по волоку волок" или "звон заокольный и окольный у окон, около колонн". Зато вполне уместной была признана звуковая перекличка в одном из его шуточных стихотворений (кажется, никогда не входившем в книги Рубцова):

Вредная,

неверная,

наверно.

Первая, наверно... Ну и что ж?

Мне не жаль,

Но жаль неизмеримо,

Что меня, наверно, и не ждешь.

Очень нравился нашим "литовцам" своеобразный юмор Рубцова. И характерно, что именно здесь впервые "на ура" были приняты те его стихи ("В океане", "Я весь в мазуте, весь в тавоте, зато работаю в трал-флоте"), которые стали его первыми публикациями и сразу составили ему добрую репутацию. На обсуждении отмечалась своеобразная самоирония, причудливо окрасивающая описание "трудового процесса" в сочетании с совершенно необычной "локальностью". "Я хрипло ругался, и хлюпал, как шлюпка, сердитый простуженный нос". Никто никогда не писал таких стихов о неудачной любви, где несомненная боль обязательно прикрывалась иронией: высмеять — значило для поэта выздороветь ("Разлад", "Ненастье", "Утро утраты").

И уж совершенный восторг вызвало у товарищей Рубцова одно из самых улыбчивых его стихотворений — "Утро перед экзаменом": для ошалевшего от занятий школяра скалы стоят "перпендикулярно к плоскости залива", "стороны зари равны попарно", облако несется "знаком бесконечности", и даже "чья-то равнобедренная дочка" двигается, "как радиус в кругу". Было тут же установлено, что именно с "равнобедренной дочкой" и началось это стихотворение.

Да, товарищи по "лито" очень четко "засекли" тот момент, когда из-под пера Рубцова стали появляться зрелые, художественно совершенные стихи. К сожалению, далеко не так обстояло дело в его взаимоотношениях с печатными органами.

Гораздо менее известны воспоминания Сократа Чистова, написанные в 1998 г., которые содержат ряд интересных подробностей [5]. «Руководил литературным объединением Кировского завода Николай Новосёлов. Встречи проводились поочередно, на заводе в первом этаже здания напротив заводоуправления и в доме культуры им. И.И. Газа... Николай Рубцов приходил на занятия, садился слева от Новосёлова, изредка обращался к нему с несколькими неслышными для остальных словами, Новосёлов едва заметно кивал в ответ, казалось, он испытывает неудобство от того, что Рубцов держится с ним как равный... На занятия приходил в одном и том же аккуратном пиджаке. Роста, возможно, чуть выше среднего, узок в плечах и худощав, свежее, почти детское лицо, руки похожи на руки пианиста, непринуждённые жесты, редко меняет позы, скромная причёска тёмных волос, ясные подвижные глаза, ни на ком и ни на чём не останавливаясь, показывали непрерывную внутреннюю рабо-

ту... Читал он по памяти, но имел перед собой рукопись, с которой обращался словоно заправский канцелярист. Откуда это? При чтении почти никаких жестов. Наиболее значительными, по крайней мере в смысле величины, были стихотворения о море, моряках, тавернах и т.д., где ясно присутствовал сам автор со своим взглядом на окружающий его мир моряков...».

О том же вспоминает детский писатель, Виктор Васильев, подаривший нам свою рукопись в 2015 году. «В начале 1960 года к нам в литобъединение пришёл невысокий, худощавый паренёк в тельняшке под пиджаком и с длинным серым шарфом, обмотанным вокруг шеи... Он не включался в обсуждение стихов, но слушал с интересом... Когда он начал читать свои стихи, мы все притихли, затаили дыхание. Стихи были настоящие, яркие, трогали дышу... Читал он по памяти, громко и разборчиво, помахивая в такт откинутой правой рукой. Большинство его стихов освещали быт и труд моряков, причём, они были крепко сделаны, яркие, самобытные. Мы не аплодировали каждому стихотворению только потому, что боялись спугнуть его настрой...».

Анатолий Домашёв вспоминает, как Рубцов не принял запрещённого тогда поэта Николая Гумилёва, прочитав его машинопись [6]. «...Город тёмнее для Рубцова. Светлое — это деревня... А в "Заставе" другая городская эстетика, другие кумиры. Даже те, к кому он тянется всей душой, — другие: Горшков ("болты болтали без умолка"), Глеб ("лежу на нарах, как король на именинах", "бьёшься ты как рыбка-килечка об лёд")... И Рубцов бьётся между ними, пытаюсь писать (читай жить) и так и этак. Интересуется Моревым, Бродским. Это всё попытки вкусить другой культуры, другой эстетики...».

Пожалуй, венцом ленинградского периода творчества Николая Рубцова следует считать самиздатовский сборник стихов «Волны и скалы», выпущенный в 1962 г. Борисом Тайгиным.

Начнём разговор о том, что писал Н.М. Рубцов в Питере именно с него, но не с воспоминаний Тайгина, а с ещё одного отрывка Анатолия Домашёва: «Я принес Боре подборку стихов для первой книжки "Такая любовь", которую мы разбили на три раздела, и в июне 1962 года Боря начал ее печатать. А я тем временем готовил оформление титула, страничек для разделов и т.п. Я приходил к Боре в процессе изготовления книжки по мере необходимости. В один из моих приходов неожиданно пришел наш застavec Коля Рубцов. Оказалось, Боря решил сделать первую книжку и ему. Моя книжка уже была выпущена в пяти экземплярах, а Рубцов что-то исправлял, перекомпоновывал, переписывал уже напечатанное, выбрасывал, потом снова вставлял. При этом Боре приходилось не раз переделывать готовую машинопись, перепечатывать измененные страницы. Особенно долго Рубцов готовил "объяснительное" предисловие. Если мне не изменяет память, его он тоже чуть ли не полностью переписывал несколько раз».

По нашему мнению о сборнике «Волны и скалы» давно уже надо серьёзно писать

и давать всеобъемлющий анализ его разделов, предисловия. Он, как таинственный слиток, мерцает в литературоведении, не определившем ещё сколько, драгоценного материала содержит в себе. Правда попытка нами была предпринята не столь давно [7].

Общеизвестны публикации Н.М. Рубцова в ещё трёх сборниках в ленинградский период, впрочем, вот статистика опубликованных им произведений из нашей статьи:

«1. газета "Трудовая слава" г. Всеволожск Ленинградской области 1959–1960 гг. — 9 стихотворений.

2. газета "Кировец", Кировский завод г. Ленинград

1960 г. — 1 стихотворение.

1961 г. — 3 стихотворения.

3. газета "Вечерний Ленинград"

1960 г. — 1 стихотворение.

1965 г. — 1 стихотворение.

4. газета "Труд"

1963 г. — 1 стихотворение.

5. газета "Литературная Россия"

1963 г. — 1 стихотворение.

1970 г. — 1 стихотворение.

6. газета "Комсомольская правда"

1963 г. — 1 стихотворение.

7. сборник "Первая плавка", Л. 1961 г.

5 стихотворений.

8. сборник "И снова зовёт вдохновение", Л. 1962 г.

2 стихотворения.

9. сборник "Продолжение песни", Л. 1963 г.

1 стихотворение.

10. сборник "Мы землю перелистаем",

М. 1964 г.

1 стихотворение.

В Ленинграде и области поэт печатается довольно регулярно. Не будем забывать, что это ещё молодой человек, нащупывающий свой поэтический путь. Отсюда и стихи шуточные, звукоподражательные, экспериментальные. Однако талант даёт о себе знать. И порой мы видим неподражаемого Рубцова с огромным творческим потенциалом. И счастье, что поэт стал продолжателем русских классических поэтических традиций, оставив в прошлом увлечения юности» [8].

Всё же попытаемся выяснить, какие стихи печатает Рубцов. Ещё одна выдержка из другой нашей статьи о стихотворении «В кочеварке», самом печатаемом в этот период его творчества. И заметьте, стихи о трудовой доблести, в принципе не характерные для поэта. «Список изданий периодической печати и коллективных сборников, в которых было напечатано стихотворение "В кочеварке":

13 марта 1960 г., Всеволожск, газета "Трудовая слава";

26 апреля 1960 г., газета "Кировец" Кировского завода;

5 мая 1960 г., газета "Вечерний Ленинград";

24 июня 1960 г., газета "Советский флот";

Сборник "Первая плавка", 1961 г.;

Сборник "Продолжение песни", 1963 г.;

4 июня 1963 г., газета "Труд";

1963 г., сборник "День поэзии" (М., Л.: Советский писатель);

20 октября 1967 г., газета "Вологодский комсомолец" [9].

В «Дне поэзии» 1963 года напечатаны ещё «В океане» и «Утро на море» – та самая морская тематика, востребованная в Ленинграде, правда, к своим темам Рубцов тогда только ещё подбирался. Что интересно, стихов о службе на Северном флоте в Ленинграде почти не публикуется, за исключением двух стихотворений в газете «На страже заполярья» 24 ноября 1959 г. – «Море» и 26 июля 1960 – «Долг». Но это могли быть стихи из его старой почты времён службы, опубликованные без ведома поэта. Чего нельзя сказать о газете «Кронштадтская правда», которая с ноября 1960 года стала называться «Советский моряк». Видимо в неё Рубцов направил стихи военно-морской тематики в 1960 г. целенаправленно 4 февраля – «В походе», 10 февраля – «В шторм», 7 июля – «Гордость». В газете «Трудовая слава» города Всеволожска появляются после демобилизации старшего матроса Рубцова стихотворения иного звучания и тематики. Перечислим хотя бы их названия: «Быстрее мечты», «Деревенские ночи» – 1959 год, «Ветер с Невы», «Воспоминания», «В кочегарке», «В едином строю», «О радости, о лунности...», «Родные места», «Берёзы» – 1960 год. В газете «Кировец» Кировского завода: «В кочегарке» – 1960 год, «Желание», «Поэту» («Брал человек холодный...»), «Упорство» («Помню, как тропкой...») – 1961 год. Хочется особо выделить публикацию Николая Рубцова в престижном «Дне поэзии 1963 года», в которой поэт представлен сразу тремя стихотворениями.

Отметим следующую мысль, что некоторые друзья Николая Рубцова могли и не знать об этих публикациях, уверенные, что поэт весь с головой ушёл в экспериментальную поэзию с юмором и звукоподражанием, которую они и воспринимали как развитие флотского периода творчества Рубцова и ценили её высокую планку. А Рубцов ищет себя, свою тематику, поэтику, выразительные средства, образы, т.е. свой поэтический стиль.

В книге Э.М. Шнейдермана приводится список стихов, которые должны были быть напечатаны в самиздатском журнале «Оптим»: «Мой чинный двор зажат в заборы», «Долина детства», «Сергею Есенину», «Ты называешь солнце блюдцем», «Как на пугало на старость...», «О чём писать, чтобы печатать...» (Последние два неизвестны исследователям творчества поэта. – Л.В).

В третий номер включили: «На перевозе», «Левитан», «Старый конь», «Утро перед экзаменом», «Разлад», «Я забыл, как лошадь запрягают». Для пятого номера Рубцов дал: «На берегу», «Фиалки», «На родине», «В океане», «Оттепель».

Примерно те же стихи упоминает и Николай Рубцов в письме Эдуарду Шнейдерману в октябре 1962 года: «А когда выходит "Оптим"? Мою подборку открой "Элегией". Потом пусть будет трагифлотский цикл с таким расположением стихов: "В океане", "Фиалки", "На берегу", "Бывало". Двух стихов ("Портовая ночь", "Я весь в мазуте") пусть не будет. Неохота просто больше мне писать. Потом – два стиха про любовь, "Видение в долине", "Поэт", "В этом городе крыши низкие" (обязательно этот

стих напечатай в таком виде, в каком посылаю). И закрой подборку стихотворением "Космонавты советской земли". "В океане" и "На берегу" сейчас не посылаю. Помнитесь, что они у тебя уже есть» [10].

В это же время Рубцов в письме Г.Б. Гопле 1960 года выражает своё отношение к стихам своего военно-морского цикла, хотя многие из них верно служат на флоте и по сей день: «Вы пишете, что на Вас странное впечатление произвело стихотворение "Воспоминание". А мне, хочу признаться, странным кажется Ваше впечатление. Что искусственного в том, что первые раздумья о родине связаны в моих воспоминаниях с ловлей налимов, с теми летними вечерами, какие описаны в стихотворении? Я чувствую, что люблю свою деревню, реку, где можно ловить налимов, где полощется заря и отражаются кусты смородины, люблю все, что вижу вокруг, и, грешен, не подозревал, что эта любовь неестественна, поскольку она не связана с такими понятиями, как "целина", "спутник", "борьба за мир", "семилетний план". Правда, то была пора пятилеток и насаждения в засушливых районах сталинских, как их называли, лесополос. Но все равно это не имеет значения: внимательно слушать политинформации, читать газеты и работать я стал позднее.

Вы говорите: "Стихи очень традиционные". Согласен. Но этот грех наполовину не мой. Когда-то, читая стихи в газетах, я убедился и был убежден до последнего времени, что кроме поэзии так называемой "уралпатриотической" у нас никакая поэзия не принимается. Позднее я стал печататься в газете "На страже Заполярья" – газете Северного флота. Там я уж на себе испытал, что значит быть связанным строго заданными темами, не допускающими, так сказать, "художественной самостоятельности": "Люблю море", "Хорошо служить на корабле", "Стучат сердца, как у героев", "Готов в строй!", "Любовь помогает служить моряку". Все авторы изощряются в выискивании оригинальных деталей, но главная-то мысль все равно не оригинальна, поскольку она газетная, казенная, как матросская шинель, выданная под расписку».

В этом же письме и мысли Николая Рубцова о поэзии далеко уже не юношеские, а вполне оформленные в стройную систему: «**Так и в стихах. Поэзия исчезает в них, когда поэт перестает чувствовать землю под ногами и уносится в мир абстрактных идей и размышлений.** Как говорится, выше головы не прыгнешь. Поэзия тоже не может прыгнуть выше жизни. Что не жизнь, все смерть. А что мы, флотские поэты, делали? Часто делали? Не пытаюсь даже присмотреться к ней, к жизни, не стараясь познать ее в конкретных ее подробностях, брали готовую, казенную мысль и терпеливо протаскивали ее сквозь весь свой лексикон, надеясь, что она, чужая мысль, обростет новыми словами. Но, как ни трепыхайся, будешь все равно бессилен перед законами природы: чужая мысль – чужое слово, твоя мысль – твои слова! А твои мысли, твои слова только в твоей жизни. Коли есть талант, воспой не то, что тебе предлагают, а то, что видишь ты, что слышишь ты, что чувствуешь ты, чем живешь ты. И если ты

духовно и идеологически в авангарде времени, никогда никакого отрыва от жизни не произойдет. Казенщина – это явно уход от жизни, отставание. Это не почва для поэзии. Это почва, по которой могут передвигаться лишь стихи-курицы, способные в лучшем случае лишь вспорхнуть на газетную страницу» [11].

Давайте посмотрим теперь, какие же стихи Николай Рубцов читал на литературных объединениях, со сцен различных домов культуры, хотя в воспоминаниях об этом уже говорилось. Вновь обратимся к книге Э.М. Шнейдермана, вернее к его дневниковым записям из этой книги. «1961. 30 марта. Вечер университетского ЛИТО в Горьковской библиотеке... Рубцов читал "Паром", "Левитана", "Разлад" прочёл очень хорошо, зрители хохотали, и на бис "Видения в долине" и "Математическое". 23 апреля вечер "Нарвской заставы" в Д/К им. Горького. 27 апреля. Вечер в 1-м медицинском институте. 26 мая чтение в каком – то НИИ. 1962 год. 28 апреля вдвоём с Колей читали в вечерней школе на Петроградской. 6 мая вечер "Нарвской заставы" с участием членов Центрального ЛИТО. 28 мая. Вечерняя школа. Чаще всего Николай Рубцов читал стихотворения: "В океане", "Разлад", "Левитан", "Видения в долине", "Я забыл, как лошадь запрягают...", "Элегию" ("Стукнул по карману – не звенит..."), "Утро перед экзаменом". Читал угрюмовато, неторопливо, отчетливо произносил каждое слово, точно вбивая его, взмахивая при этом рукой; юмористические вещи – чрезвычайно серьезно, что, разумеется, усиливало комический эффект. Публике стихи его нравились, в особенности "Утро перед экзаменом" и "Разлад", слушая которые зрители обычно хохотали в голос. И нередко просили прочесть на бис» [12].

Для того, чтобы перейти к последней части нашей работы, отметим, что на вечере 6 мая 1962 г. и 28 мая 1962 г. компанию Эдуарду Шнейдерману и Николаю Рубцову составил Валентин Горшков, с которым Рубцов и познакомил Шнейдермана и который, по выражению Шнейдермана, «в Рубцове души не чаял».

Дополнить места, где в Ленинграде Рубцов читал стихи, могут пригласительные билеты из ГАВО (Государственный архив Вологодской области), ф.51. Один из них 24 января 1962 г. в дом писателя им. Маяковского, а другой на 6 мая 1962 г. в Д/К им. Горького, на них в числе других и фамилия Рубцов.

Кстати и Виктор Васильев пишет, что «Мы уже тогда понимали, что Николай нам не ровня, что перед нами большой поэт. А с Валей Горшковым у Рубцова возникла крепкая дружба». Также немало интересных сведений о ленинградском литературном окружении Николая Рубцова можно прочитать в статье руководителя Рубцовского центра Санкт-Петербурга Л.П. Федунковой в её книге «Все земные красоты и узы...», а также в книге А.М. Городницкого, вот отрывок из неё: «В 1954 г. в актовом зале Политехнического института начались общегородские вечера студенческой поэзии, проходившие при огромном стечении народа. У меня много лет хранится "самиздатский" сборник по материалам одного из таких вечеров, с памятной надписью "талантливым горнякам

Фото на память после вечера памяти Н.М. Рубцова. В очках Валентин Горшков

от литобъединения Политехнического института». Там напечатаны стихи Валентина Горшкова, Виктора Берлина, Бориса Голлера и многих других. При всей похожести отдельных авторов их объединяет энергия и некая устремленность в завтра...» [13].

Но наш рассказ документальный, и начнём его завершающую часть с опубликованных воспоминаний Валентина Горшкова и попытаемся выяснить градус его дружеских отношений с Николаем Рубцовым.

«Впервые я познакомился со стихами Рубцова 26 апреля 1960 года. В этот день в очередном номере газеты «Кировец» было напечатано стихотворение «В кочегарке». Автор подписался так: «Ник. Рубцов, кочегар жилотдела». Стихи на так называемую производственную тему были ясными, свежими, а главное – за ним угадывался сам автор – молодой парень, только что отслуживший на флоте и решивший стать рабочим.

В то время я работал на Кировском, тоже сочинял стихи и знал среди кировцев, кажется, всех, кто начинал пробовать себя на литературном поприще. Но кто же тогда этот «Ник. Рубцов»?

Газета охотно предоставляла место для стихотворений начинающих авторов. Вокруг нее формировался актив людей, имевших вкус к работе над словом. Дважды в месяц после рабочей смены в редакции собирались члены литературного объединения завода, приносившие на суд товарищей свои произведения. Руководил занятиями ленинградский поэт Николай Дмитриевич Новосёлов. Интересный, своеобразный поэт, он был чутким и внимательным наставником заводской литературной молодежи.

Среди членов литературного объединения были и безусловно одаренные люди, писавшие не только стихи, но и рассказы, и повести. Так вот очное наше знакомство с Николаем Рубцовым состоялось через месяц – на очередном занятии литературного объединения. Мне привелось стать оппонен-

том при разборе его цикла стихов, вынесенных им на суд новых товарищей по перу.

Был он щуплым, невысокого роста паренком с начавшими редеть над выпуклым лбом волосами. Из-под раскрытого ворота рубашки у него неизменно выглядывала тельняшка. Я был первым, кому выпала честь ознакомиться с его рукописью и высказать о стихах свое мнение.

До сих пор у меня хранятся эти отпечатанные машинисткой записка, старостой нашей литобъединения Еленой Мефодиевной Дементьевой стихи. На полях рукописи почти против каждого стихотворения поставлен восклицательный знак. Стихи новичка (а Николай Рубцов впервые был приглашен на занятие литкружковцев) понравились всем без исключения, хотя кое за что их пришлось и покритиковать. Автор, чувствовалось, внутренне волновался, но держался с достоинством. Мы единодушно приняли его в свою литературную семью» [14].

В этих воспоминаниях Валентина Горшкова нет подробностей, не настаивается на дружбе поэтов, на совместном творческом горении. А между тем, эти факты необходимо отметить. В записной книжке поэта Рубцова остались адреса и телефоны практически всех заметных поэтов той ленинградской поры: И. Бродского, С. Орлова, Г. Горбовского, Э. Шнейдермана, Н. Грудининой, Г. Семёнова, А. Домашёва, В. Кривулина, С. Макарова, Б. Тайгина, А. Морева, А. Кушнера и других. Однако Валентин Горшков – это отдельная страница творческой биографии Николая Рубцова. Конечно, была дружба, подкреплённая работой на Кировском заводе, совместные занятия в разных ЛИТО, выступления с чтением стихов, совместное времяпрепровождение, не без горячительных напитков, взаимное уважение поэтов, взаимное посвящение стихов друг другу.

Впрочем, обо всём по порядку. Если свои воспоминания Валентин Горшков начинает со стихов Николая Рубцова, мы тоже начнём с них. Волею литературной

судьбы В. Горшков, как и Б. Тайгин, Э. Шнейдерман, С. Макаров в Ленинграде, С. Куняев, В. Кожин, Е. Чернов, Н. Попов в Москве, позднее В. Коротаяев в Вологде оказались хранителями неизвестных, ранних, ненапечатанных стихов Николая Рубцова. Тот самый список машинописи Рубцова с пометками Горшкова сейчас в музее Н.М. Рубцова в Санкт-Петербурге в библиотеке №5 им. Рубцова. В.Д. Зинченко, редактор 3-томного собрания сочинений поэта, в примечаниях приводит список этих стихотворений: «Соловьи», «Желание», «Мой чинный двор...», «Левитан», «Сергей Есенин», «Ненастье», «Не пришла», «Я буду скакать...», «Снег» («У окна ресторана...»), «Звёзды как звёзды» [15].

У каждого стихотворения своя судьба, скажем, «Я буду скакать по холмам...» разбиралось в 1960 г., но в подборке Горшкова не сохранилось. А многими ныне любимое стихотворение «Сергей Есенин» впервые было напечатано в сборнике «Подорожники» 1976 года, и именно Валентин Горшков сохранил его и предоставил для составителя сборника Виктора Коротаяева. Скажем, знаменитое стихотворение «Виденье на холме», которое в сборнике «Волны и скалы» имеет название «Виденье в долине», в архиве Горшкова называлось «Звёзды», являясь первоначальным вариантом шедевра. О совместной публикации поэтов в газете «Кировец» уже упоминалось, как и об уважительном отношении Валентина к Рубцову и к Гагарину в стихотворении, посвящённом им обоим. Сохранились и широко известны фотографии обоих поэтов в окружении ленинградских приятелей. Но нам кажется важнее другое: то, что поэты посвятили стихи один другому. Вот посвящение Горшкова Рубцову 1965 года. Приведём из него пространного одну строфу:

*В шумном мире праздников и буден
Я к себе всё более суров,
Где они, обещанные людям,
Груды драгоценных стихов?*

Стихотворение из сборника «Белой ночью». Стихи слегка юмористические. Может быть потому, что Николай Рубцов в сборнике «Волны и скалы» 1962 года посвятил Валентину Горшкову тоже два несерьёзных стихотворения. Это довольно известные стихи «Ты называешь солнце блюдцем...» и «Именинику» («Твоя любимая уснула...»). В этой связи неплохо было бы привести письмо Виктора Коротаяева Валентину Горшкову из экспозиции санкт-петербургского музея им. Н.М. Рубцова при библиотеке № 5 от 11.10.1972 года.

«Валентин, наконец, я посылаю тебе стихи Коли Рубцова, посвящённые тебе. Вот они. Именинику В. Горшкову:

*Твоя любимая
уснула.
И ты, закрыв глаза и рот,
уснёшь
и свалишься со стула.
Быть может, свалишься
в проход.
И всё же
не будет слова злого,
ни речи резкой и чужой.*

Тебя поднимут,
как святого,
кристально-чистого
душой.

Уложат,
где не дует ветер,
и тихо твой покинут дом.

Ты захрапишь...
И всё на свете —
пойдёт
обычным чередом!

А что-то братцы-ленинградцы ни один, ни одной строки так и не прислали, хотя знают, что я составляю его книгу и что мы готовим к выпуску том Н. Рубцова в Гослитиздате. Ну, будь здоров. В. Коротаяев.

В 1972 сборник «Волны и скалы» существовал только в 6 (шести) экземплярах самиздата, выпущенный Борисом Тайгиным. Вернее, так, из того первого тиража остался один экземпляр издателя, а вот «пиратских переизданий» с неточностями или дружескими исправлениями было ещё несколько, в том числе один такой экземпляр хранился и у Валентина Горшкова. Коротаяев об этом не знал, как и о том, что Горшкову хорошо известно это дружеское послание Рубцова.

Надо вернуться несколько назад в 1963 год, чтобы показать искренние дружеские отношения поэтов. А поможет нам письмо от 19 июня 1963 года Валентина Горшкова Николаю Рубцову из архива Нинель Старичковой, хранящееся сейчас в архиве Сергея Дмитриева, тоже, к великому сожалению, ушедшего от нас. Письмо сканировано нами с разрешения Сергея и публикуется впервые. Оно про литературную жизнь Ленинграда и содержит несколько интересных пассажей, о которых чуть подробнее после публикации письма.

«Здравствуй, Коля!

Рад был получить от тебя весть и узнать, что с тобой всё слава богу. Хотелось бы с тобой посидеть где-нибудь под фруктовым деревом, и чтоб на столе было много вина, а за столом (или под ним) несколько женщин. Так надоела мне заводская — городская жизнь. Живётся мне вообще не худо, но почему-то кажется, что надо всё не так. Пишется хреново, т.е. почти вовсе не пишется. «Антология кировских поэтов» лишь на днях пошла в набор. Выйти она должна примерно в октябре. Тебя огорчу — под рукой редактора среди твоих стихов остался лишь «Кочегар» («В кочегарке». — Л.В). Рука редактора странно, но не отсохла. Новосёлов говорит, что посылал тебе письмо, чтобы ты добавил новые стихи, но ты ничего не ответил. Вообще говоря, сборник насквозь демагогичен. Стихи в него подбирались не по принципу — есть ли в них поэзия, а чтобы показать, какой рабочий класс бодрый и жизнерадостный. Но ты, конечно, всё понимаешь. Мой сборник пойдёт тоже в Лениздате. Что с ним — пока не знаю. Но договора у меня ещё нет.

Купил ли ты дом, который собирался купить? Мне почему-то кажется, что ты не выкинул его из головы. А может, уже живёшь в нём? Я всё собирался быть в Москве и заглянуть к тебе. Но вот не получилось. С отпуском моим ерунда. Водит меня

Вечер памяти Н.М. Рубцова. Б.И. Тайгин (слева), Э.М. Шнейдерман (третий справа), В.С. Горшков (четвёртый справа)

за нос Тресвятский, а его завком — неизвестно когда он получит путёвку. А я должен Тресвятского заменить (на посту редактора газеты «Кировец». — Л.В). Значит, есть три варианта: идти в отпуск в сентябре, октябре или с 20 августа (буду стараться настоять на последнем). Хочу попасть в Крым. Может, ты примкнёшь? Вот пока всё. Привет от Саши Николаева (встретил на днях в проходной). Дома у меня висит картина «Тоска зелёная» (автор Рада). На ней мы с тобой за бутылку. Картина не дописана, но приедешь — увидишь. Присылай стихи в «Кировец». Валя 19.06.1963».

Валентин Горшков, в это время заместитель редактора газеты «Кировец» Трехсвятского. Отсюда все перипетии с отпусками и путёвками. Николай Рубцов уже год как студент в Москве с его учебными, творческими и другими проблемами, но связь с Питером и переписка с Горшковым не прервалась. И первое, что напрашивается при анализе письма Валентина, возможно, сохранились письма Рубцова Горшкову. Это была бы замечательная находка, многое объясняющая в психологическом плане развития рубцовского творчества. Может, они покоятся в архиве Горшкова, но при жизни он не нашёл их, не опубликовал, как, например, Шнейдерман, а значит, не сберёг? Давайте оставим надежду, что это не так и письма Рубцова обретёт литературоведение.

Некоторый вывод, правда, напрашивается, но для этого необходимо сделать отступление. Поэт Николай Рубцов был очень аккуратным человеком и, несмотря на свою неустроенную, неоседлую жизнь, сохранил дорогие весточки друзей. Эта черта характера очень импонирует нам. В этой связи не могу даже комментировать мнение о небрежности и безалаберности хранения поэтом своих стихов. Скажем только, что, возможно, черновики было много, вариантов, стихов, отброшенных поэтом, предостаточно, и они, наверное, не представляли для Рубцова особой ценности. К ним было другое отношение, чего их было хранить и складировать.

Но ближе к нашей теме — письмам Рубцова. Нами были или будут опубликованы письмо Николаю Рубцову от Валентина Борзенина (писем Валентину от поэта пока не знает рубцовеведение), письмо Николаю Рубцову от Николая Белякова (ответные письма Рубцова, будем надеяться, только пока не обнаружены). В отношениях с женщинами несохранные ими письма Рубцова получают объяснение. Ведь поэт не стал их судьбой. Но, вот, например, из-за некоторых околелитературных причин нам, только совсем недавно, удалось отыскать и опубликовать неизвестные письма Николаю Рубцова или неизвестные фрагменты уже опубликованных, руководителю Вологодской писательской организации А.А. Романову. Они хоть лежали, ждали своего часа, в ГАВО, в фонде Вологодского отделения СП РСФСР [16]. А где находятся письма Н.М. Рубцова адресатам юности и молодости, можно только догадываться. Это время, между тем, необычайно важное для понимания дальнейшего выбранного поэтического пути Николая Рубцова.

Но вернёмся к письму Валентина Горшкова. Весьма интересно упоминание «Антологии кировских поэтов», т.е. рабочих поэтов Кировского завода. Речь идёт о сборнике стихов «Продолжение песни», Л. 1963. В нём опубликовано одно стихотворение Николая Рубцова «В кочегарке». Горшков пишет о демагогичности сборника, а примерно такие же мысли высказывал и Рубцов. Валентин пишет о своём будущем сборнике, который вышел позднее в 1964 г. под названием «Окраина», а первая книжка Николая, «Лирика», появилась в 1965 году. Причём оба поэта явно заслуживали более серьёзных изданий.

Очень лиричным получился абзац о доме, который хотел купить Николай Рубцов. Это тем более актуально, ибо к тому времени у поэта появилась дочь Елена и могла бы сложиться семейная жизнь. Хотя эта идея о доме проходит и через творчество поэта «не купить мне избу за оврагом», но она так и не реализовалась, как и поездка в Крым,

Мемориальные вещи из квартиры В.С. Горшкова, связанные с памятью Н.М. Рубцова, хранятся в музее поэта при библиотеке №5 им. Н.М. Рубцова СПб (Директор Т.А. Абрамова)

куда приглашал его Горшков. А может, идея последней строфы стихотворения «Элегия», так, как оно печатается сейчас, «Если только буду знаменит, то поеду в Ялту отдыхать...» имеет свои корни в этом письме. Интересно, где же картина «Тоска зелёная» Рады Ресенчук, не дописанная, в чьей частной коллекции хранится? Вопросы, вопросы для будущих рубцововедов.

А в 1963 г. Валентин Горшков ещё замредактора газеты большого завода, ждёт первый сборник стихов, активно печатается и востребован, а Николая Рубцова к концу 1963 года едва не исключили из Литинститута, со второго курса «за нарушение моральных норм и общественно – трудовой дисциплины». Во всяком случае, будем надеяться, что отыщется прижизненный портрет Николая Рубцова и Валентина Горшкова, как память тех лет. Жена Валентина Горшкова, Тамара Алексеевна, со слов мужа, рассказывала историю, как поэты Рубцов и Горшков тащили за ножки чиненный, неказистый столик в комнату, полученную Горшковым от Союза писателей, при содействии завода на Желябова, 7, по всемо Московскому проспекту из общежития Рубцова на Севастопольской улице. Столик этот был выпрошен у коменданта рабочего общежития на новоселье Горшковых, но есть версия, что найден был на свалке. Ох, молодость, шли поэты со столиком и читали вслух Блока «За городом вырос пустынный квартал...». Сейчас этот мемориальный предмет в экспозиции музея библиотеки им. Н.М. Рубцова, как и гитара, на которой в 1964 г. играл поэт Руб-

цов во время одного из приездов в город на Неве, купленная в ДЛТ (Дом ленинградской торговли) специально к его приезду. Чего только не было там, на Желябова, 7, рядом с Мойкой, 16. Поэты шутили, собираясь у Горшкова, что за стенкой Пушкин, что писать невозможно при таком соседстве. Но тем не менее, рассказывают, что однажды схватились Глеб Горбовский и Николай Рубцов именно из-за поэтической строки...

После 1964 года Валентин Горшков и Николай Рубцов не встречались. После трагической гибели Н.М. Рубцова уже радиожурналист Валентин Горшков готовил радиопередачи в рубцовский январь, которые звучали по ленинградскому радио как память о друге. Чудом сохранилась машинопись одной из первых радиопередач памяти поэта. Приведём её как документ, подготовленный редактором радио Горшковым, полностью. И ещё несколько строк из программы ленинградского радио уже от 19 января 1988 г. памяти Н.М. Рубцова, тоже из архива Валентина Горшкова, предварительно пояснив, что эти документы предоставила для публикации Т.А. Горшкова. «Николай Рубцов обладал пронзительным лирическим дарованием, нежной душой и чистым сердцем. Его строки западали в память, как нечто цельное и пробуждающее в нас то, что является главным в человеке – любовь к Родине...».

Видимо, вследствие работы Валентина Горшкова на радио, вологодский журналист Энгельс Алексеевич Федосеев привёз ему плёночную магнитофонную бобину с записью голоса Н.М. Рубцова, которую он осуществил в 1970 году. На ней поэт читает лесную быль «Разбойник Ляля» и знаменитые «Вечерние стихи», также они вместе поют не менее знаменитую «Морошку», а Алексей Шилов подчёркивает, что музыку к ней написал тоже Николай Рубцов. После прослушивания бобины, при котором присутствовала жена Горшкова Тамара Алексеевна, она была подарена Валентину, который мог использовать её с большей пользой, как питерский друг и работник радио. Т.А. Горшкова и А.В. Антупьев, впоследствии распространили уникальную запись голоса Николая Рубцова среди рубцововедов.

Совсем уже неожиданные воспоминания появляются последнее время, связанные с Рубцовым и Горшковым. Таковыми является воспоминания Зинаиды Коротковой из Ярославля, двоюродной сестры Валентина Горшкова, которой, по её словам, некоторое время был увлечён поэт Николай Рубцов. Этот материал Геннадия Хирцова будет полностью приведён в примечаниях. Впрочем, вот абзац из него «На вопрос: «Была ли между вами взаимная симпатия, влюбленность? Если да, то чем все это закончилось?» – ответила уже не Зина Короткова, а умудренная годами семидесятивосьмилетняя Зинаида Анатольевна Калитина. Слегка смущаясь, но не пряча по-прежнему лучистых глаз, произнесла: «Да как же можно было без влюбленности целоваться...» [17].

А теперь остаётся самое трудное, ответственное, но и самое интересное – не посорить поэтов Горшкова и Рубцова в глазах их почитателей. Вы спросите, как же так, но вопросы творческие, вопросы

авторства стихов могут очень неоднозначно восприниматься частью читателей, пусть вроде бы история литературы расставила всех по своим местам. Но говорить о них нужно, и не ради сенсаций, а ради того, что ничего нельзя скрыть недоговорённостью. Любовь к истине всё равно будет звать разбираться, высказать своё мнение, особенно, если оно компетентно в данной теме. Да ещё необходимо понимать молодых поэтов из Ленинграда, которые щедро разбрасывали рифмы и строфы, не заботясь ни об авторстве, ни о первенстве строк. Конечно, это применимо только к стихотворениям, не выстраданным авторами, а выданным приятелям в качестве экспромта или каламбура. Неимоверно занимательно решать загадки авторства этих произведений, хотя будущие документы и факты могут нас поправить.

Т.А. Горшкова в одну из встреч рассказала нам о том, что однажды Валентин Горшков пришёл домой довольно взволнованный: «Ну, дают ребята, мои стихи и в сборнике Николая Рубцова!». Вот и давайте разбираться, имел ли право ленинградский друг Рубцова на эту реплику? Это непонимание Горшкова можно отнести к 1991 г., когда вышел в свет двухтомник «Россия, Русь! Храни себя, храни!» в составе сборника стихов Н.М. Рубцова под редакцией В.В. Коротаева и его же повести «Козырная дама», или к 1994 г., когда вышел новый двухтомник «Русский огонёк» стихов поэта и воспоминаний о нём, опять под редакцией В.В. Коротаева. В том и другом издании напечатаны одни и те же стихи, которые Валентин Горшков признал своими.

Вначале о стихотворении «Жалоба алкоголика» («Живу я в Ленинграде...»). Изредка его ещё печатают как произведение Николая Рубцова, хотя довольно давно, ещё в 2000 г., В.Д. Зинченко писала об авторстве Валентина Горшкова в комментариях к трёхтомному собранию сочинений Н.М. Рубцова. Попробуем документально доказать этот факт и снять все вопросы. В архиве С.А. Дмитриева сохранился автограф стихотворения, написанный рукой Горшкова, но почерк можно принять и за рубцовский. Этот автограф происходит из архива В.С. Белкова, а ему был прислан А.В. Антупьевым, что следует из письма 2006 года. Но, самое интересное, на этом автографе Горшкова на обратной стороне рукой Валентина Горшкова написано комн(ата) 22. Это прямое указание на адрес рабочего общежития поэта Рубцова в Ленинграде – Севастопольская улица 5 комната 22. Текст далее: «Рубцову Николаю Михайловичу – студенту на память о В.Г. – раке-отшельнике. Когда, где, во сколько? Сколько?». Но, авторство этого стихотворения серьёзными специалистами и так не оспаривается. Вячеслав Белков написал о следующем экспромте Николая Рубцова так: «Может быть, именно в то лето Рубцов сочинил с журналистом Юрием Лещевым такую шутку, экспромтом:

*После этой нелепой вольники
Сообща
На толкучем кутили рынке
Хвост леца.
И конечно, искали не чая
Мы с тобой,
За ларек подались вначале
Голубой.*

Слаще меда, вкусней кефали
 Был ты, лец.
 Мы, тобой закусив, сказали:
 «Это вещь!»

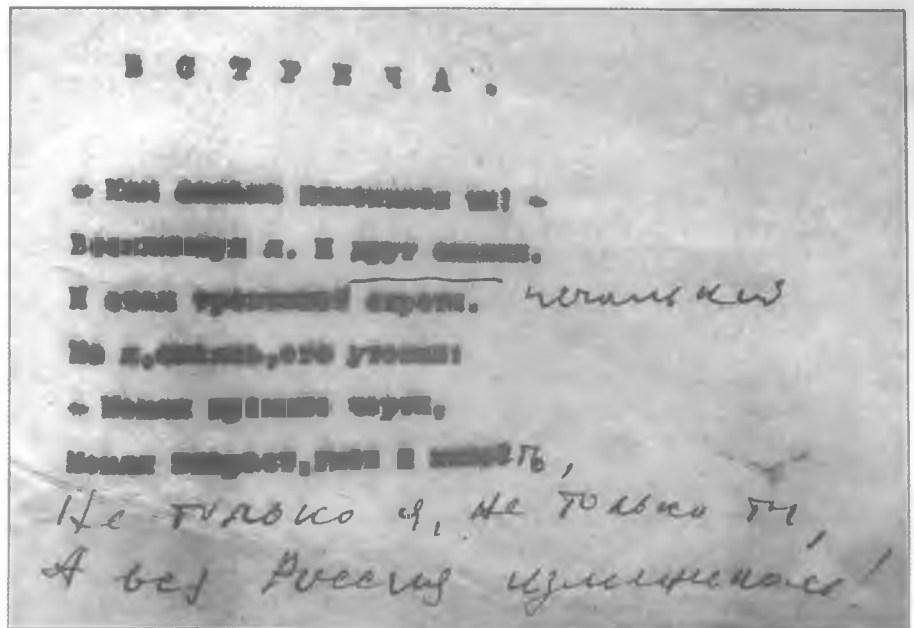
Лещев говорил, что здесь 2-3 слова принадлежат ему, а все остальное сочинил Рубцов. Теперь мы можем добавить, что это сочинилось под влиянием стихотворения В. Горшкова «Про леща...». Впрочем, вот стихотворение Валентина Горшкова 1966 года.

**Про леща
 (Перед получкой)**

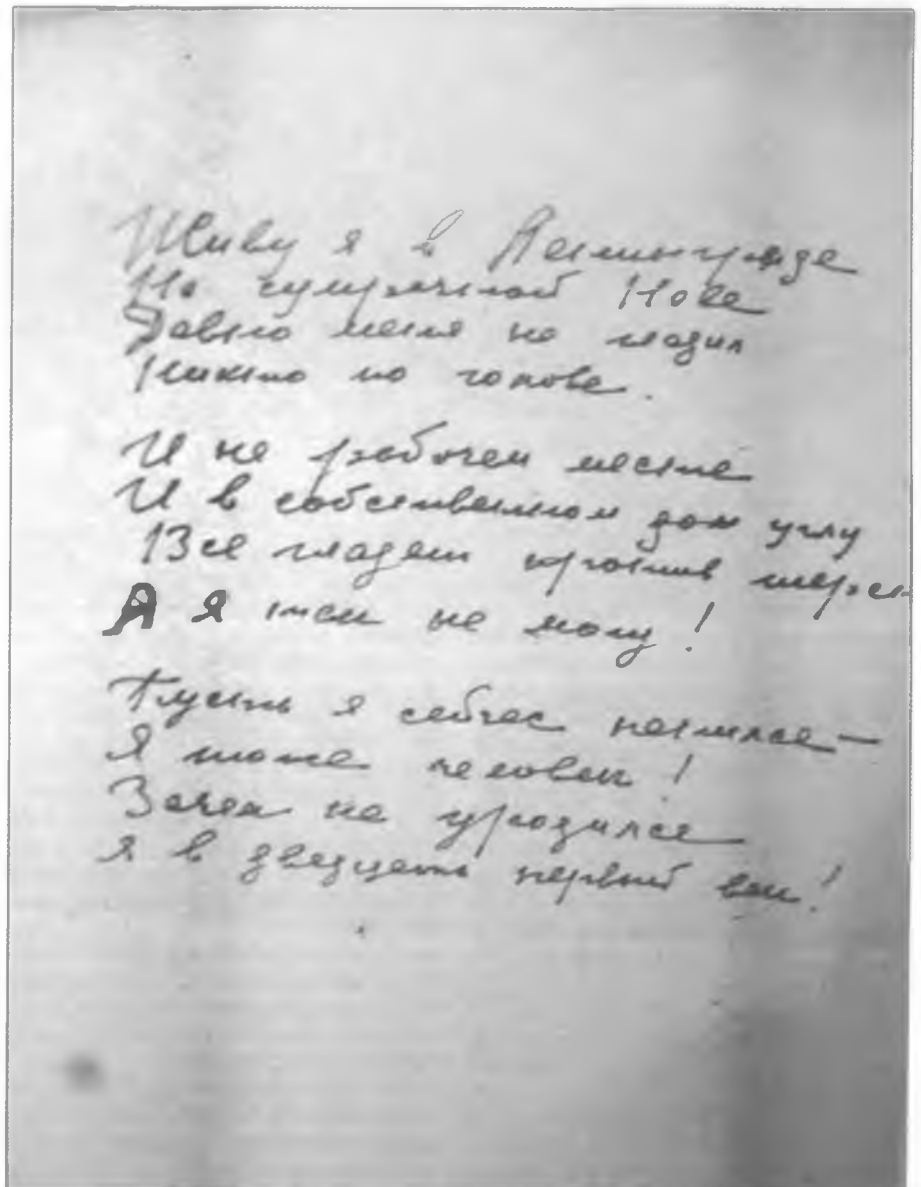
Денег даже на пиво нету.
 Жизнь тоща.
 Я сосу тебя как конфету,
 Хвост леща.
 Где ты, лец, предавался забаве?
 Где бродил?
 Как в кошёлку к базарной бабе
 Угодил?
 Мы с базара тебя догадались
 Взять с собой.
 А потом за ларёк подались –
 Голубой.
 Мелочь, всю что была, терпеливо
 Наскребя,
 Заказали янтарного пива
 В честь тебя.
 Словно камень, омытый слезами,
 Был ты, лец.
 Мы тебя, поделив, сказали:
 – Это вещь!
 Мудрено ли, ответь, что нами
 Прямо тут
 Был ты съеден почти с костями
 В пять минут,
 Впрочем, что там размазывать слюны –
 Не взыщи
 Мы и сами, хотя и люди,
 Как лещи.
 Не суди нас по-строгому только,
 Дурачок.
 Нам ведь тоже попасть недолго
 На крючок!

Согласимся с мнением Вячеслава Белкова. Понятно, что такое совпадение, как приятель Рубцова по фамилии Лещёв просто обыгрался образами другого приятеля – Горшкова. Само стихотворение сохранилось в памяти именно журналиста Лещёва, а Рубцов, наверное, вскоре и забыл об этом эпизоде. Надо заметить, что экспромт Рубцова о лещё не публиковался в указанных выше сборниках стихов поэта. Впервые опубликовал его, со слов журналиста Юрия Лещёва, Вячеслав Белков. В нашем материале это пример некоего дружеского сотворчества в шуточном стихотворении. А вот сейчас время опубликовать письмо Алексея Антуфьева Вячеславу Белкову.

«Вячеслав Сергеевич! Здравствуйте! Был в гостях у Горшковой Т.А., и она любезно передала в музей в Питере личные вещи, как то гитару, которую купили Н. Рубцов и В. Горшков в ДЛТ, письменный стол, лампу из архива, рукописи Н. Рубцова с рецензией В. Горшкова и т.д. В архиве я обнаружил стихи (спорные), которые для Вас, я думаю, интересны. Это подлинник стихов,

Машинопись стихотворения «Встреча»
 с исправлениями и рукописными последними строчками.
 ГАВО, ф. 51, оп. 1, ед. хр. 76

Рукопись стихотворения «Исповедь алкоголика» Валентина Горшкова.
 Архив С.А. Дмитриева

Тамара Алексеевна Горшкова

которые вошли в книги стихов Н. Рубцова. Но Тамара Алексеевна Горшкова утверждает, что они написаны В. Горшковым.

С уважением А. Антуфьев. 23.11.06».

Из письма выходит, что дело со стихотворением «Встреча» обстоит намного сложнее, чем со стихотворением «Жалоба алкоголика» в смысле претензий Валентина Горшкова на авторство или соавторство с Николаем Рубцовым. Оно никогда не публиковалось при жизни Н.М. Рубцова и сохранилось только в его архиве [18]. Причем, странно сохранилось. Машинопись с правкой автора и рукописными последними двумя строчками. Строка «и стал тревожней сироты» исправлена на «и стал печальной сироты», а последние две строчки – суть и соль всего стихотворения – «Не только я, не только ты, / А вся Россия изменилась!» – написаны от руки. Почерк похож на торпливый рубцовский, но есть сходные элементы и с почерком Горшкова. Без серьезной графологической экспертизы ничего утверждать не приходится. Могло и стихотворение Горшкова затеряться в архиве Рубцова, а потом, как-то, пришло озарение и, поэт Рубцов закончил стихотворение друга. Могло это быть и произведением Николая Рубцова, но почему он то-

гда не опубликовал его? Впервые стихотворение «Встреча» было напечатано в газете «Вологодский комсомолец» 19 января 1972 г., а затем в сборнике «Последний приход» М. 1973. Причём в книге с опечаткой – вместо правильного варианта «Как сильно изменился ты! Воскликнул я. И друг опешил...» напечатано «И вдруг опешил...». Какой-то непростительный просмотр корректора великолепного издания той поры. Ну, а в вопросе с авторством или с соавторством стихотворения «Встреча» не будем торопиться до выяснения всех возможных за и против. Оно, пока, справедливо печатается как стихотворение Н.М. Рубцова и будет оставаться таковым до появления неопровержимых, неоспоримых фактов авторства Валентина Горшкова, как это произошло со стихотворением «Жалоба алкоголика». В любом случае, стихотворение «Встреча» достойно уровня и таланта поэта Н.М. Рубцова.

Нельзя переиначесть свою судьбу, тем более, если она уже свершилась в земной жизни, но можно достойно прожить отпущенный тебе отрезок бытия. В этом смысле, поэт Николай Рубцов, отдав долг экспериментам в поэзии, приходит к традиционному русскому лиризму, в котором, чтобы не затерять-

ся, сказать своё слово, надо иметь огромный талант и работоспособность, положить на этот алтарь жизнь и судьбу. И уже как итог, Рубцов вырастает в русского национального поэта. В этом смысле Валентин Горшков навсегда остался в истории ленинградской поэзии как поэт определённой эпохи, хотя и в истории ленинградского радио им написана отдельная творческая страница.

Примечания:

1. Ю.Я. Петрунин. «Будущий классик глазами однокурсника». В книге «Звезда труда, поэзии, покоя» М. 2006, с. 71–75.

2. К. Кузьминский. «Антология новейшей русской поэзии «У голубой лагуны». Ньютонвилль. 1986.

3. «Нарвская застава» времён Новосёлова». Интернет ресурс. Проза.ру. Владимир Вейхман.

4. Литературно-художественный альманах «Время, наследие, судьба». СПб.

5. Воспоминания Сократа Чистова от 22.05.1998 «Несколько встреч с Николаем Рубцовым». Автограф. Архив Вересова Л.Н.

6. А. Ф. Домашёв. «Он так хотел иметь успех». Газета «Русский Север» 08.1996.

7. Л.Н. Вересов. «Архивные смальты поэтической мозаики Николая Рубцова. Стихотворение «Элегия» («Стукнул по карману – не звенит2). К постановке вопроса о многовариантности лирики поэта». Журнал «Берега» (Калининград) №1 (25) 2018, с. 129–135.

8. Л.Н. Вересов. «Творчество Н.М. Рубцова в свете статистики». В книге «Из души живые звуки. Поэт Н.М. Рубцов; жизнь и творчество». Вологда, 2016, с. 301–326.

9. Л.Н. Вересов. «Стихотворение «В кочегарке» – пример несомненного успеха в раннем творчестве Н.М. Рубцова». В книге «Страницы жизни и творчества поэта Н.М. Рубцова» Вологда. 2013, с. 160–166.

10. Э.М. Шнейдерман. «Слово и слава поэта» СПб. 2005. Л.Н. Вересов «О стихотворении Н.М. Рубцова «В этом городе». В книге «Из души живые звуки. Поэт Н.М. Рубцов; жизнь и творчество». Вологда, 2016, с. 200–203.

11. Письмо Николая Рубцова Герману Гоппе. Публикация В.Н. Баракова в книге «Отчизна и воля». Книга о поэзии Николая Рубцова». Вологда 2005, с. 16–164.

12. Э.М. Шнейдерман. «Слово и слава поэта». СПб. 2005, с. 33–35.

13. Л.П. Федунова. «Литературное окружение поэта Николая Рубцова в Ленинграде». В книге «Все земные святости и узы». СПб. 2018, с. 181–221. А.М. Городницкий «И вблизи и вдали» Воспоминания. СПб.

14. См. сноску п. 4.

15. В.Д. Зинченко, составитель, автор комментариев 3-х томов собрания сочинений Н.М. Рубцова. М. 2000.

16. Неизвестные письма Н.М. Рубцова А.А. Романову в книге Л.Н. Вересова «Страницы жизни и творчества поэта Н.М. Рубцова». Вологда. 2013. Приложения, с. 276–281. Л.Н. Вересов «Поэт Николай Рубцов и Северо-Западное книжное издательство. Документальная история издания сборников стихов «Лирика» и «Душа хранит». Вологда. 2017. ГАВО, ф.846, оп.1, ед.хр.48.

17. *Геннадий Хирцов*. «Её хотел прославить. Как поэт Николай Рубцов посвятил своё стихотворение ярославне – Зинаиде Коротковой».

«Случилась это более полувека назад в Северной столице нашей Родины – Ленинграде, и герои ее были неисправимо молоды и беспечны. Про известных творческих личностей после их смерти почти всегда рождаются многочисленные легенды и домыслы. Порой они правдивы, а иногда авантюры. Вдруг неожиданно объявляются внебрачные дети, ранее неизвестные родственники, мнимые друзья, подруги и т.д. и т.п. На мой взгляд, это естественное явление, свидетельствующее о значимости и популярности в народе этих героев. Ведь про заурядного обывателя небывлиц никто не сочиняет.

Наша землячка Зина Короткова родилась в апреле 1937 года в поселке Петровское Петровского района Ярославской области. Северная столица поманила провинциалку на учебу, тем более что в Ленинграде жила ее тетка, которая и приютила в 1956 г. будущую студентку технологического института холодильной промышленности. Девушка была очень симпатичная. К слову сказать, годы не стерли этого обаяния в Зинаиде Анатольевне и до сих пор. Двоюродный брат Зины Валентин Сергеевич Горшков в то время был членом литературного объединения «Нарвская застава» при Дворце культуры имени Горького. Бывало, на поэтические вечера Горшков приводил Зину. Тогда литобъединением руководил Николай Дмитриевич Новоселов.

По воспоминаниям секретаря «Нарвской заставы» Бориса Тайгина, «это был кружок молодых рабочих поэтов, которые собирались по вечерам один раз в неделю... А один раз в год, в мае, организовывался вечер встречи» (Воспоминания о Николае Рубцове. КИФ «Вестник», Вологда, 1994. с. 147).

В самом конце ноября 1959 года после службы на Северном флоте на питерском Кировском заводе начал работать кочегаром Николай Рубцов. А в 1960-м он пришел в «Нарвскую заставу». В самом конце зимы 1960 года брат Валентин привел в гости Николая Рубцова. Случилось так, что два взгляда встретились, и произошло чудо: хватило маленькой искорки, и вспыхнуло поэтическое вдохновение. ... Были прогулки по ночному Ленинграду, белые ночи, стихи, романтика и молодость... А однажды они возвращались со дня рождения Николая Новоселова. Стояла зимняя оттепель. Николай, как всегда, мечтал стихами и вымолвил:

– Я обязательно посвящу тебе стихотворение. Оно будет начинаться так: «Была зима, и пахло розами».

А Зина наивно в ответ спросила:

– Наверное, ты гордишься, что поэт?

Таким был диалог или не таким, известно об этом только нашим героям. Но стихотворение появилось. Только зима в нем пахла не розами, а мокрым снегом... Только отсутствовало посвящение, и датирован стих маем 1962 года, а появился в печати впервые лишь в 1971 году.

Вот что по этому поводу в своих комментариях приводит Василий Оботуров:

Валентин Горшков

«Оттепель». Сохранилось в рукописи для литобъединения «Кировец»; впервые опубликовано: ВК (04.IV.71); «Сельская молодежь» (1971, №9); сб. «Зеленые цветы» (Рубцов Н.М. Стихотворения – Архангельск; Вологда: Сев.-Зап. кн. изд-во. Вологодское отделение, 1985)».

Конечно же, при таких перипетиях Зина не могла знать, хотя бы до выхода сборника «Зеленые цветы», о поэтическом свидетельстве вдохновения, причиной которого она стала. Ведь их встречи с поэтом продолжались только до лета 1962 года, когда, окончив вуз, она покинула Ленинград. И еще одно свидетельство тех далеких встреч наша героиня носит в памяти, так как письменных доказательств тоже, увы, нет. На вопрос: «Была ли между вами взаимная симпатия, влюбленность? Если да, то чем все это закончилось?» – ответила уже не Зина Короткова, а умудренная годами семидеся-

тивосьмилетняя Зинаида Анатольевна Калитина. Слегка смущаясь, но не пряча по-прежнему лучистых глаз, произнесла: «Да как же можно было без влюбленности-то целоваться...». Замуж Зинаида Анатольевна вышла за свою первую любовь, односельчанина Серафима Калитина. Счастливо прожитые годы с Серафимом Сергеевичем, в конце жизни ставшим главным инженером проекта ведущего института резиновой отрасли СССР, расположенного в Ярославле, одарили супругов двумя детьми, тремя внуками. И на этом нить жизни не обрывается...» / Интернет ресурс.

18. Стихотворение «Встреча». ГАВО (Государственный архив Вологодской области), ф.51, оп.1, ед.хр.76.

